

Редкин Петр Григорьевич

**Из лекций заслуженного
профессора, доктора прав П.Г.
Редкина по истории философии
права в связи с историей
философии вообще**

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Григорьевич Р.**
Из лекций заслуженного профессора, доктора прав П.Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще: Том 4 / Редкин Петр Григорьевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 521 с.

ISBN 978-5-519-80441-7

ISBN 978-5-519-80441-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Части первой отдѣла четвертаго продолженіе.	1—515
III. Изложеніе содержанія нѣкоторыхъ Платоновыхъ разговоровъ.	
Вторая группа	1—94
1. Менонъ.	1
2. Апологія Сократа	19
3. Критонъ	38
4. Горгій	54
Изъ третьей группы:	
1. Политикъ	94—119
Изъ четвертой группы:	
1. Государство	119—515

ЧАСТИ ПЕРВОЙ

ОТДѢЛА ЧЕТВЕРТАГО

Продолженіе.

III. Изложеніе содержанія нѣкоторыхъ Платоновыхъ разговоровъ.

ГРУППА ВТОРАЯ.

1. Менонъ.

Въ этомъ разговорѣ собственно три дѣйствующихъ лица — Менонъ, Анить и Сократъ. Изъ нихъ Анить уже знакомъ намъ, какъ одинъ изъ обвинителей Сократа на судѣ. Онъ выведенъ здѣсь Платономъ незадолго до этого обвиненія, какъ представитель низшаго сорта людей, занимавшихся тогда въ Аѣинахъ государственными дѣлами, политиковъ-практиковъ, какихъ тогда было много. Менонъ, по имени котораго названъ весь этотъ разговоръ, молодой богатый вессаліецъ, знатнаго рода, пріѣхавшій въ Аѣины и остановившійся у своего пріятеля Анита; онъ былъ ученикомъ софиста Горгія. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ изъ рабовъ Менона, не принимающемъ однако участія въ томъ, о чемъ собственно бесѣдуютъ три названныхъ лица; онъ выведенъ Платономъ только для того, чтобы наглядно представить практическое доказательство одного изъ главныхъ положеній, защищаемыхъ здѣсь Сократомъ, а именно, что способность къ знанію, какъ и къ добродѣтели, прирождена человѣку, но что она требуетъ своего развитія.

Мѣсто дѣйствія — такъ-называемое *λέσχη* — собственно зна-

чить: болтовня; отсюда и самое мѣсто для болтовни, т.-е. публичная площадка въ городѣ, усыпанная пескомъ и обставленная скамейками, куда праздные аѳиняне собирались посидѣть и поболтать, а бѣдняки проводили здѣсь даже и ночи, засыпая на скамейкахъ.

Разговоръ „Менонъ“ состоитъ изъ пяти дѣйствій, но они такъ коротки, что ихъ приличнѣе назвать сценами, явленіями.

Первое явленіе. Оно начинается прямо съ вопроса, въ которомъ выражается весь главный предметъ этого разговора, а именно, Менонъ спрашиваетъ Сократа: „Можешь ли ты сказать мнѣ, любезный Сократъ, изучима ли добродѣтель; или же она пріобрѣтается упражненіемъ; или же ее нельзя пріобрѣсти ни упражненіемъ, ни познаваніемъ, а она прирождена людямъ; или же (наконецъ) люди бываютъ причастны ей какимъ-либо другимъ образомъ?“

На такой вопросъ Сократъ иронически отвѣчаетъ, что, конечно, на родинѣ Менона, въ Тессаліи, гдѣ долго жилъ Горгій, немедленно дававшій отвѣты на всевозможные вопросы, могутъ отвѣтить тотчасъ же, не запинаясь, и на такой вопросъ; но здѣсь, въ Аѳинахъ, люди не обладаютъ такою мудростью; по крайней мѣрѣ онъ, Сократъ, можетъ сказать о себѣ, что не въ состояніи отвѣчать прямо на такой вопросъ, потому что онъ не знаетъ даже и того, что такое добродѣтель, а не зная сущности добродѣтели, онъ не можетъ сказать и какова она, каковы ея качества.

Менонъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ ты не знаешь, что такое добродѣтель? Позволишь ли ты рассказать это о тебѣ на моей родинѣ?

Сократъ. Расскажи, да прибавь еще, что я никогда еще не встрѣчалъ человѣка, который зналъ бы, что такое добродѣтель.

Менонъ. Развѣ ты не встрѣчался съ Горгіемъ, когда онъ былъ здѣсь (въ Аѳинахъ)?

Сократъ. Какъ же, встрѣчался.

Менонъ. И тебѣ кажется, что и Горгій не зналъ, что такое добродѣтель?

Сократъ. Память мнѣ измѣнила (Сократъ выведенъ здѣсь уже старикомъ); не припомню, какъ мнѣ казалось тогда,—

зналъ или не зналъ Горгій, что такое добродѣтель. Ты помнишь, конечно, какъ выражался объ этомъ Горгій, поэтому напомни мнѣ его слова, или, если хочешь, скажи самъ, потому что, конечно, ты соглашаешься съ Горгіемъ.

Менонъ. Да, соглашаюсь.

Сократъ. Такъ мы оставимъ Горгія въ сторонѣ, потому что его здѣсь нѣтъ. Скажи мнѣ, что ты самъ считаешь добродѣтельно, чтобы я, къ моему счастью, увидѣлъ свою ошибку, когда окажется, что ты и Горгій знаете, что такое добродѣтель, между тѣмъ какъ я, напротивъ, утверждалъ, что не встрѣчался еще ни съ кѣмъ, кто зналъ бы это.

Менонъ. Сказать, что такое добродѣтель, нетрудно, потому что если ты спрашиваешь о добродѣтели мужчины, то отвѣчать на это легко: добродѣтель мужчины состоитъ въ томъ, чтобы быть въ состояніи заниматься государственными дѣлами и, занимаясь ими, дѣлать добро своимъ друзьямъ и зло своимъ врагамъ, и самому остерегаться, чтобы другіе не причинили зла себѣ и имъ. Легко также опредѣлить и добродѣтель женщины, если ты хочешь знать объ этомъ: она должна быть хорошею хозяйкою въ домѣ, сохраняя то, что въ немъ есть, и подчиняясь мужу.

— Отъ этихъ добродѣтелей отличны добродѣтели дитяти, дѣвочки, мальчика, старика, а также различныя добродѣтели свободного человѣка и раба. Есть еще много и другихъ добродѣтелей, такъ что относительно добродѣтели не затруднительно сказать, что она такое, потому что для каждаго поступка, для каждаго возраста, для каждаго предпріятія, каждому изъ насъ прилична извѣстная добродѣтель. То же самое слѣдуетъ сказать и о порокахъ.

Сократъ. Мнѣ, кажется, очень посчастливилось: я искалъ одну добродѣтель, а нашелъ цѣлый рой добродѣтелей. Но, оставаясь при этомъ сравненіи множества различныхъ добродѣтелей съ роємъ, еслибы ты спросилъ меня о сущности пчелы (что такое пчела по своей сущности), а я отвѣчалъ бы тебѣ: пчелъ много, и онѣ различны—то не сказать ли бы ты мнѣ: я спрашиваю не о томъ, въ чемъ отличны пчелы одна отъ другой, а о томъ, въ чемъ онѣ сходны между собою (что такое *всякая* пчела безъ различія). Точно также хотя добродѣте-

лей и много, и онѣ различны, но есть нѣчто одно имъ общее (понятіе), въ силу чего онѣ суть добродѣтели. Поэтому, кого спрашиваютъ о добродѣтеляхъ, тотъ долженъ отвѣчать о ней *вообще*, что она такое, или что нужно для того, чтобы добродѣтель была вообще добродѣтельно, все равно, есть ли это добродѣтель мужчины или женщины, мальчика или старика.

Менонъ. Нѣтъ, мнѣ кажется, что въ *этомъ* отношеніи для добродѣтели требуются различныя качества.

Сократъ. Но вѣдь ты самъ сказалъ, что добродѣтель мужчины—умѣнье управлять государствомъ, а добродѣтель женщины—умѣнье управлять домомъ. Нельзя *хорошо* управлять ими, не управляя ими праведно и благоразумно. Слѣдовательно мужчина и женщина, чтобы быть добрыми, добродѣтельными, должны имѣть одни и тѣ же качества: праведность и благоразуміе. Такъ ни мальчикамъ, ни старикамъ нельзя быть добрыми, добродѣтельными, если они неправедны и необузданны; слѣдовательно и они должны быть праведны и благоразумны, чтобы быть добрыми, добродѣтельными. Итакъ всѣ люди добры, добродѣтельны *одинаковымъ* образомъ, потому что они становятся добрыми, добродѣтельными, когда приобрѣтутъ одни и тѣ же качества. Но они не были бы одинаковымъ образомъ добры, добродѣтельны, еслибы ихъ добродѣтель не была одна и та же. Но если добродѣтель всѣхъ людей одна и та же, то скажи мнѣ, что такое эта одна и та же добродѣтель (добродѣтель вообще), по мнѣнію Горгія, съ которымъ согласенъ и ты?

Менонъ. Если ты ищешь одной добродѣтели для всѣхъ людей, то она состоитъ въ томъ, чтобы быть въ состояніи начальствовать (господствовать) надъ людьми.

Сократъ. Но это не можетъ быть добродѣтельно ни мальчика, ни раба. При томъ не слѣдуетъ ли прибавить—начальствовать *праведно*?

Менонъ. Я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю, потому что праведность есть добродѣтель.

Сократъ. Праведность есть ли *вся* добродѣтель, или одна изъ добродѣтелей?

Менонъ. Одна, потому что есть еще и другія добродѣтели.

Сократъ. Назови мнѣ ихъ.

Менонъ. Мужество, благоразуміе, мудрость и великодушная щедрость.

Сократъ. Опять, хотя и другимъ путемъ, мы нашли *многія* добродѣтели, а одной добродѣтели, общей всѣмъ, вслѣдствіе чего всѣ онѣ называются однимъ именемъ, мы все еще не можемъ найти. Скажи мнѣ, что такое добродѣтель *вообще*.

Менонъ. Добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы хотѣть, желать прекраснаго и быть въ состояніи достать, приобрѣсть его себѣ.

Сократъ. Хотѣть, желать прекраснаго—значитъ вѣдь желать себѣ добраго, добра. Но нѣтъ человѣка, который не желалъ бы себѣ добра, а желалъ бы себѣ зла или вреда; развѣ только онъ можетъ ошибаться, считая злое, вредное для себя за доброе. Слѣдовательно добродѣтель нельзя опредѣлять какъ желаніе, хотѣніе прекраснаго, т.-е. добра, потому что всѣ люди, и добродѣтельные, и порочные, желаютъ прекраснаго, добраго, добра (съ тѣмъ различіемъ, что добродѣтельные знаютъ, что такое добро, а порочные не знаютъ этого). Итакъ изъ твоего опредѣленія добродѣтели вообще надобно исключить желаніе прекраснаго, т.-е. добраго. Остается еще возможность доставлять себѣ, приобрѣтать прекрасное, т.-е. доброе, добро. Разберемъ и этотъ признакъ. Ты, знаю я, считаешь добрымъ богатство, стяжаніе золота и серебра, почестей и правительственныхъ должностей въ государствѣ. Не прибавишь ли ты къ тому, что тобою сказано—доставлять себѣ, приобрѣтать прекрасное, доброе—праведнымъ и благочестивымъ образомъ, потому что несправедное приобрѣтеніе не есть добродѣтель?

Менонъ. Конечно, это не добродѣтель, а порокъ.

Сократъ. Итакъ къ сказанному приобрѣтенію прекраснаго, добраго должны присоединиться или праведность, или благочестіе, или благоразуміе и проч., иначе оно (приобрѣтеніе) не будетъ добродѣтелью. Но мы только-что согласились, что праведность, благоразуміе и проч. суть добродѣтели, т.-е. части одной добродѣтели, добродѣтели вообще. Слѣдовательно мы опять пришли къ прежнему, а именно,—на мою просьбу опредѣлить, что такое добродѣтель *вообще*, ты отвѣчаешь теперь: добродѣтель есть приобрѣтеніе добра, соединенное съ такою-то добродѣтелью: съ праведностью, благочестіемъ, благоразуміемъ

и проч. Но нельзя знать части, не зная цѣлаго, поэтому я снова спрашиваю тебя: что такое добродѣтель по твоему мнѣнію и по мнѣнію твоего друга Горгія?

Менонъ. Прже, чѣмъ я познакомился съ тобой, я зналъ уже, что ты сомнѣваешься во всемъ и возбуждаешь сомнѣнія въ другихъ. Такъ и теперь: я замѣчаю, что я весь преисполненъ сомнѣній. Если ты позволишь мнѣ шутку, то я скажу тебѣ, что ты похожъ на извѣстную морскую рыбу, на широкій скатъ (теперь называемый въ зоологіи электрическимъ скатомъ, *Raja torpedo*): лишь только прикоснется къ нему маленькая рыбка, онъ приводитъ ее въ состояніе оцѣпенѣнія, нанося ей электрическій ударъ; такъ и теперь ты возбудилъ во мнѣ подобное же чувство оцѣпенѣнія; въ самомъ дѣлѣ у меня оцѣпенѣли умъ и языкъ, такъ что я не знаю, что и отвѣчать тебѣ. А вѣдь я тысячу разъ произносилъ цѣлыя рѣчи о добродѣтели и очень недурно, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось. Теперь же я не могу даже сказать что такое добродѣтель вообще.

Сократъ. Если я похожъ на ската, то на такого, который и самъ оцѣпенѣваетъ, а не только заставляетъ цѣпенѣть другихъ; я не возбуждаю сомнѣній въ другихъ, будучи самъ совершенно убѣжденъ въ чемъ-либо; напротивъ, такъ какъ я болѣе всѣхъ сомнѣваюсь, то поэтому именно и возбуждаю сомнѣнія въ другихъ. Вотъ и теперь: я не знаю, что такое добродѣтель; ты же, можетъ быть, зналъ это прежде, чѣмъ пришелъ въ соприкосновеніе со мною, а теперь похоже на то, что и ты этого не знаешь. Тѣмъ не менѣе я готовъ вмѣстѣ съ тобой изслѣдовать, что же такое добродѣтель.

Менонъ. Какъ же ты хочешь изслѣдовать то, качество чего тебѣ вовсе неизвѣстно?

Положимъ, что случайно ты и падаешь на истину, но какъ же ты узнаешь, что таково въ самомъ дѣлѣ то, чего ты не знаешь?

Сократъ. Понимаю, куда ты мѣтишь. Ты хочешь сказать, что человѣкъ не можетъ изслѣдовать ни того, что онъ знаетъ, ни того, чего онъ не знаетъ: тѣ, что онъ знаетъ, онъ не можетъ изслѣдовать, такъ какъ онъ уже знаетъ это; тѣ, чего онъ не знаетъ, онъ не можетъ изслѣдовать, такъ какъ онъ

даже не знаетъ того, чтѣ хочетъ онъ изслѣдовать (Сократъ намекаетъ здѣсь на то, что Менонъ повторяетъ скептическое ученіе своего учителя Горгія).

Менонъ. Такое положеніе кажется тебѣ невѣрнымъ?

Сократъ. Да, мнѣ такъ кажется.

Менонъ. Можешь ли ты сказать мнѣ—почему?

Сократъ. Могу. Я слышалъ, чтѣ говорили мудрые люди, мужчины и женщины, о божественныхъ предметахъ; а чтѣ они говорили, то, мнѣ кажется, вѣрно. Говорившіе принадлежатъ къ числу жрецовъ и жрицъ, старающихся отдавать себѣ отчетъ во всемъ, чѣмъ они занимаются. То же самое говорили Пиндаръ и многіе другіе поэты. А именно они говорили, что душа человѣка безсмертна, и что она то кончается—чтѣ называется смертію, — то опять возрождается, но никогда не уничтожается. Такъ какъ душа безсмертна и часто возрождается, и такъ какъ она видѣла все, чтѣ есть здѣсь, на землѣ, и чтѣ есть въ Гадесѣ (въ преисподней), словомъ, — видѣла все вообще, то нѣтъ ничего такого, чего она не изучила бы, не знала бы. Поэтому неудивительно, что о добродѣтели и о другихъ предметахъ она можетъ припомнить себѣ то, чтѣ знала уже и прежде. Но такъ какъ въ природѣ все сродно между собою и такъ какъ душа все изучила, все узнала, то ничего не мѣшаетъ тому, что если мы вспомнимъ что-нибудь *одно* (это воспоминаніе люди называютъ ученіемъ), то все прочее найдется само собою (по сродству съ этимъ однимъ), лишь бы только мы были неутомимы въ нашихъ изслѣдованіяхъ. Слѣдовательно всякое изслѣдованіе и ученіе есть не что иное, какъ воспоминаніе. Въ увѣренности, что это такъ, мы станемъ теперь изслѣдовать, чтѣ такое добродѣтель.

Менонъ. Если ты можешь какимъ-нибудь образомъ показать мнѣ, что это такъ, то покажи.

Сократъ. Это, конечно, не легко; но въ угоду тебѣ я постараюсь. Позови кого хочешь вотъ изъ этой толпы сопровождающихъ тебя рабовъ, чтобы я могъ показать на немъ.

Менонъ. Весьма охотно. Эй! (зоветъ одного изъ своихъ рабовъ) Подойди-ка къ намъ!

Рабъ подходитъ и тѣмъ оканчивается первое явленіе.

Въ этомъ явленіи Сократъ началъ съ того, что возбудить

въ Менонѣ самосознаніе въ незнаніи того, что онъ думалъ знать, т.-е. сущности понятія добродѣтели вообще; это отрицательный результатъ. Затѣмъ посредствомъ этого самопознанія онъ возбудилъ въ немъ желаніе изслѣдовать этотъ вопросъ, опровергнувъ скептицизмъ Менона, какъ ученика Горгія, который утверждалъ, что человѣкъ не можетъ знать ничего истиннаго. Устами Сократа Платонъ опровергаетъ это тѣмъ положеніемъ, что бессмертной человѣческой душѣ присущи, прирождены вѣрные представленія, которыя могутъ быть развиты въ истинное, рациональное знаніе, слѣдовательно человѣческой душѣ прирождена возможность, способность знанія; это развитіе при такихъ душѣ представленій въ истинное рациональное знаніе, и — что все равно — это познаваніе Платонъ устами Сократа называетъ воспоминаніемъ, приводя его въ связь съ вѣрою въ бессмертіе души человѣческой; это развитіе и есть то, что люди называютъ ученіемъ. Слѣдовательно въ этомъ смыслѣ и добродѣтель изучима, т.-е. ей можно *учить*, развивая въ знаніе присущія о ней человѣческой душѣ представленія, и ей можно *учиться*, т.-е. человѣкъ можетъ развить въ знаніе присущія его душѣ представленія о ней.

Такой, выраженный здѣсь, взглядъ Платона на знаніе, т.-е. на познаніе, познаваніе, какъ на воспоминаніе, есть уже ближайшее подготовленіе Платонова ученія объ идеяхъ, въ чемъ и заключается особенная важность разговора „Менонъ“.

Второе явленіе. Это явленіе начинается съ того, что одинъ изъ молодыхъ рабовъ Менона подходитъ къ Менону и Сократу.

Сперва Сократъ спрашиваетъ Менона, грекъ ли этотъ рабъ, и говоритъ ли по-гречески; получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ проситъ Менона замѣчать, будетъ ли этотъ рабъ только вспоминать то, что онъ уже зналъ прежде, или же Сократъ будетъ обучать его чему-то совершенно новому, чего онъ прежде вовсе не зналъ. Въ продолженіе разговора съ рабомъ Сократъ, для наглядности своихъ вопросовъ, чертитъ палкою на песокъ квадратъ, проводитъ въ немъ діагонали, описываетъ вокругъ него бѣльшій квадратъ, подраздѣляетъ этотъ квадратъ на меньшіе квадраты, словомъ, — сопровождаетъ чертежами свою геометрическую лекцію, излагая ее въ формѣ наводящихъ и развивающихъ вопросовъ, которыми мало-по-малу